

На правах рукописи

Чебакова Полина Александровна

**ИКОНОГРАФИЯ ПЕРСОНИФИКАЦИЙ ГОСУДАРСТВ И
ТЕРРИТОРИЙ В РУССКОМ ИСКУССТВЕ XVIII – НАЧАЛА XIX ВЕКА**

Специальность 5.10.3 — Виды искусства
(изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата искусствоведения

Санкт-Петербург
2024

Работа выполнена на кафедре истории русского искусства Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Научный руководитель:

Скворцова Екатерина Александровна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры истории русского искусства Института истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет».

Официальные оппоненты:

— Карев Андрей Александрович, доктор искусствоведения, профессор кафедры истории отечественного искусства исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

— Тюхменева Екатерина Александровна, кандидат искусствоведения, заведующий отделом русского искусства Научно-исследовательского института теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств.

Ведущая организация:

ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина».

Защита состоится «29» января 2025 г. в 13.00 часов на заседании Диссертационного совета 24.2.366.10 при ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д.6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: 125047, Москва, Миусская площадь, д.6 и на сайте ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу <https://www.rsuh.ru/dissovet/24-2-366-10-po-iskusstvovedeniyu/chebakova-polina-aleksandrovna.php>

Автореферат разослан «___» _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Бэлла Львовна Шапиро
доктор культурологии, доцент

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Проблематика исследования

Диссертационное исследование посвящено персонификациям государств и территорий — одному из ключевых тропов богатого и разнообразного аллегорического языка русского изобразительного искусства XVIII – начала XIX века. Возникшие еще в античности, подобные аллегорические фигуры использовались в западноевропейском искусстве Средних веков и эпохи Возрождения и прочно вошли в художественный обиход в XVII — XVIII столетиях, после того как были кодифицированы в «Иконологии» Чезаре Рипы (первое издание, без изображений — 1593 года, иллюстрированное издание — 1603 года). В Российской империи аллегорические фигуры государств и территорий стали обычным явлением в искусстве и литературе начиная с Петровского времени благодаря целенаправленному заимствованию элементов европейской культуры и систематическому обращению к аллегорическим произведениям искусства.

В диссертационном исследовании под термином «персонификации государств и территорий» подразумеваются аллегорическая фигура России, а также персонификации иных государств, четырех частей света и территорий в составе Российской империи. Все эти фигуры обладают собственной иконографией, в общих чертах основанной на той, которая присуща персонификациям государств и территорий в западноевропейском искусстве.

Актуальность темы исследования

Всплеск в исторической науке интереса к изучению государственного и национального строительства в последние десятилетия придает актуальность обращению к визуальному языку как одному из его важных инструментов. Персонификация Российской империи была одной из ключевых фигур, при помощи которой в искусстве отражалась политика абсолютной монархии. В зарубежном искусствознании, где существует продолжительная традиция изучения персонификаций государств, территорий и наций, в последние десятилетия внимание к этой проблематике еще более усилилось. В отечественном искусствознании интерес к ней проявлялся лишь эпизодически. До настоящего момента персонификации государств и территорий не были рассмотрены на материале всех видов искусства на протяжении XVIII – начала XIX века — того времени, когда они были наиболее распространены в русском искусстве. Усиление интереса к изучению эмблематики как в зарубежном, так и в отечественном искусствознании обуславливают актуальность исследования аллегорической фигуры Российской империи, а также близких ей по значению персонификаций на материале русского искусства.

Степень разработанности проблемы исследования

Возникновение первых попыток целенаправленного анализа персонификаций государств и территорий в русском искусстве относится к 80-м годам XX столетия. В.Ю. Матвеев (1981, 1987, 2003) рассмотрел сюжет «Петр I, высекающий статую России». В 2000-е годы исследования

аллегорической фигуры России были продолжены, однако на ограниченном временном промежутке — преимущественно первой четверти XVIII века (М.А. Сарычева, 2000, 2002). Таким образом, к настоящему времени персонификация Российской империи либо была удостоена упоминаний в разных контекстах в трудах, посвященных иным темам, в сопровождении важных замечаний (Е.А. Тюхменева (2005, 2020), А.А. Аронова (2016, 2017, 2020), Е.Б. Дедова (2009, 2011)), либо была обстоятельно изучена на материале одного вида искусства — медальерного (У.М. Волкова, 2017), либо была рассмотрена в культурологическом ключе (Е.А. Наймарк (2008), И. Ширле (2012), Э. Сашалми (2005, 2018, 2022)). В отечественном искусствознании к настоящему моменту не появилось исследование, которое включало бы систематический анализ иконографии этой аллегорической фигуры в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX века.

В литературоведении сложилось более полное представление об аллегорической фигуре Российской империи в литературе и театре XVIII века. Бытование этой персонификации в придворном театре и одической традиции XVIII века было рассмотрено такими исследователями, как А.С. Демин (1974), К.А. Осповат (2020), М.П. Одесский (2018, 2020, 2021).

На материале русского искусства последующего периода персонификации Российской империи исследователями было уделено большее внимание. Среди ученых, занимавшихся этой проблематикой — У.М. Волкова (2017), рассмотревшая иконографию Российской империи в медальерном искусстве XIX – начала XX века, Е.Г. Милюгина (2015), изучившая образ Российского государства в барельефах Ф.П. Толстого, Е.А. Чистикова (2018, 2019, 2022), обратившая внимание на изображения России на банкнотах XIX века, П.С. Павлинов (2020), сделавший краткий обзор истории бытования персонификации России в изобразительном искусстве XVIII – XIX веков с целью представить преемственность традиции изображения аллегорической фигуры России в творчестве Е.Е. Лансере. О.В. Калугина (2018, 2019) собрала и проанализировала яркие примеры изображения персонификации в пластике этого периода и сделала акцент на вариантах иконографии персонификации государства. М.В. Лескинен (2020, 2023) рассмотрела аллегорическую фигуру Российской империи, созданную М.О. Микешиним, и выделила два типа иконографии персонификации России.

Иным персонификациям территорий в русском искусстве XVIII – начала XIX века было уделено еще меньше внимания, чем персонификации Российской империи. Отдельные разрозненные наблюдения о персонификациях четырех частей света в русском искусстве встречаются в трудах М.А. Сарычевой, Е.Е. Агратиной (2015, 2019). А.А. Горбунова (2020) подробно рассмотрела аллегорическую фигуру Азии в русском искусстве первой половины XVIII века. Однако до сих пор в отечественном искусствознании эти аллегорические фигуры не были рассмотрены в

комплексе, во взаимосвязи друг с другом и в сопоставлении с западноевропейскими образцами.

Персонификации территорий Российской империи эпизодически упоминаются в различных трудах, где уделено внимание некоторым произведениям искусства, в которых они присутствуют. Единственное исследование, в котором рассмотрено сразу несколько персонификаций территорий Российской империи — книга Н.П. Финягиной (2006), посвященная атласу Российской империи 1792 года. В этом труде описана иконография аллегорических фигур территорий на картушах атласа, однако без углубленного искусствоведческого анализа. Нет исследования, в котором была бы изучена иконография аллегорических фигур территорий Российской империи и определены ее особенности в тех случаях, когда эти аллегорические фигуры появляются совместно с персонификацией России. Не прослежены параллели и различия между персонификациями территорий страны в русском и западноевропейском искусстве, не определена иерархия аллегорических фигур территорий в русском искусстве.

Историки искусства, обращавшиеся к проблематике персонификаций государств и территорий на материале отечественного искусства XVIII века, подробно анализировали иконографию и атрибуты этих аллегорических фигур лишь на отдельных очень немногочисленных примерах. В остальном это упоминания при описании тех или иных произведений, не сопровождающиеся комментариями. Примеров использования этих аллегорических фигур в русском искусстве гораздо больше, нежели тех, что были проанализированы в литературе до сих пор. Собранный воедино изобразительный материал (более ста произведений искусства, в которых присутствует персонификация России, и более сорока произведений искусства, в которых присутствуют персонификации иных стран, частей света и территорий Российской империи) — позволит уточнить эволюцию иконографии персонификаций государств и территорий, их специфику в политическом контексте по сравнению с западноевропейской традицией, зависимость трактовки их облика от вида искусства. В особенности это важно для периода XVIII – начала XIX века, которому до сих пор было уделено наименьшее внимание. В это время аллегорические фигуры государств и территорий появились в русском искусстве и остались запечатлены в богатом изобразительном материале.

Объект исследования

Объектом диссертационного исследования стали персонификации государств и территорий в произведениях русского изобразительного искусства XVIII – начала XIX века.

Предмет исследования

Предмет исследования — иконографические решения персонификаций государств и территорий в русском искусстве XVIII – начала XIX века, их своеобразие в западноевропейском контексте.

Цель и задачи исследования

Цель исследования — выявить историческое своеобразие иконографии персонификаций государств (прежде всего Российской империи) и территорий в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX столетия в сравнении с иконографией аналогичных персонификаций в западноевропейском искусстве.

Задачами, соответственно, стали:

- определение характерных черт иконографии персонификации Российской империи в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX века, а именно особенностей ее внешнего облика (пол, возраст, костюм, телосложение, физиономические особенности) и атрибутов;
- выявление сюжетов, в которых обычно фигурирует персонификация государства в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX века;
- определение типологии действия персонификации Российской империи в произведениях изобразительного искусства в сопоставлении с литературным словом, с акцентом на «границах живописи и поэзии», их специфических выразительных средствах, определение характера связи персонификации России с образом монарха в контексте русской политической иконографии;
- выявление особенностей иконографии персонификации Российской империи, отличающих ее от иных фигур с близким смысловым наполнением (Любовь к Отечеству, Гений России и др.);
- определение общих черт и различий иконографии персонификации Российской империи и персонификаций государств и территорий, которые существовали в русском искусстве наряду с ней, а именно персонификаций четырех частей света, других государств, а также царств, исторических областей, городов в ее составе;
- выявление основных тенденций развития иконографии персонификаций государств и территорий на протяжении рассматриваемого периода.

Иконография персонификаций государств и территорий в диссертационном исследовании рассмотрена на материале разных видов искусства: живописи (станковой и монументальной), скульптуры, графики (оригинальной и печатной) и церемониальных торжеств (в том числе фейерверков и церемоний похорон монархов), известных по описаниям и гравюрам, с привлечением литературного контекста. Поскольку персонификация Российской империи являлась наиболее значимой аллегорической фигурой, а все остальные персонификации территорий были с ней тесно связаны, представляется необходимым рассмотрение всего комплекса аллегорических фигур государств и территорий в русском искусстве XVIII – начала XIX века с акцентом на их взаимодействии.

Хронологические рамки исследования

Нижняя хронологическая граница исследования (конец XVII – начало XVIII века) обусловлена временем появления персонификаций государств и территорий в русской визуальной культуре. Верхняя граница — начало XIX века — была предопределена тремя обстоятельствами. Прежде всего, в начале

XIX века возникают первые примеры изображений персонификации России с элементами русского национального костюма (например, как установила У.М. Волкова, таков медальон «Народное ополчение» Ф.П. Толстого (1834), проект которого возник в 1816 году), полностью отсутствовавшие в русском искусстве в XVIII столетии. Это свидетельствует о смене культурно-политических ориентиров империи, способствовавшей появлению и распространению русского стиля в искусстве XIX века. Во-вторых, в это время завершается историческая эпоха — эпоха Просвещения, и с наступлением нового столетия аллегорический визуальный язык, столь важный для XVIII века, начинает постепенно угасать. Исчезают созданные по сложным аллегорическим программам многофигурные композиции, в которых персонификация России была связана множеством смысловых уз с иными персонажами. В это переходное время претворяются в жизнь несколько грандиозных проектов, подводящих итоги развитию русского искусства в XVIII столетии, в том числе здание Адмиралтейства (А. Захаров, 1806–1823). В его аллегорической программе присутствуют и персонификации территорий, в последний раз явленные как часть сложного панегирического проекта, соответствующего масштабу аллегорических программ XVIII века. Персонификации государств и территорий останутся среди тех немногих аллегорических фигур, которые продолжают существовать впоследствии, в искусстве XIX столетия, но обретут принципиально иное смысловое наполнение. Существенно изменится и способ их характеристики в изобразительном искусстве.

Источники исследования

Источниковая база диссертационного исследования включает произведения русского изобразительного искусства из музеев России, в которых присутствуют персонификации государств и территорий: живописи, графики (оригинальной и печатной), скульптуры. В первую очередь, источником изобразительного материала послужили произведения из собраний Государственного Эрмитажа, Государственного Русского музея, Государственного Исторического музея, Государственного музея-заповедника «Петергоф» и других российских музеев. Поиск произведений искусства в обширных музейных коллекциях был осуществлен как на экспозициях и в фондах музеев, так и через их специализированные электронные базы (<https://collections.hermitage.ru>, <https://catalog.shm.ru>, <https://rusmuseumvrm.ru>, <https://my.tretyakov.ru>) и портал «Государственный каталог музейного фонда Российской Федерации» (<https://goskatalog.ru>), что позволило выявить больше произведений искусства, содержащих персонификации государств и территорий. Особенно ценным для научного исследования стало посещение фондов Государственного Русского музея и знакомство с уникальными рисунками к церемонии погребения Елизаветы Петровны в его коллекции.

Знакомство с произведениями западноевропейского искусства стало возможным благодаря их воспроизведениям в научной литературе и в

открытых зарубежных электронных базах, среди которых сайты коллекций Рейксмузеума в Амстердаме (<https://www.rijksmuseum.nl>) и Британского музея в Лондоне (<https://www.britishmuseum.org>), а также библиотечный портал «JSTOR» («ARTSTOR», <https://www.jstor.org>), доступный через Научную библиотеку им. М. Горького СПбГУ.

Опорой для диссертационного исследования также стали текстовые источники XVIII – начала XIX века, как опубликованные печатные, так и хранящиеся в архивах рукописные: описания придворных фейерверков и иллюминаций, научные сочинения, тексты театральных постановок, описания коронаций, похорон правителей, иконологические лексиконы и эмблематические сборники, проекты медалей (в общей сложности более 50 текстовых источников). Знакомство с текстовыми источниками этого периода стало возможным благодаря работе с архивными материалами Российского государственного исторического архива и Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, а также с источниками, опубликованными на специализированных порталах крупнейших российских и зарубежных библиотек: Российской национальной библиотеки (<https://primo.nl.ru>), Национальной электронной библиотеки (<https://rusneb.ru>), Президентской библиотеки (<https://www.prlib.ru>), Государственной публичной исторической библиотеки России (<http://elib.shpl.ru>), Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В.Г. Белинского (<http://elib.uraic.ru>), Библиотеки Гейдельбергского университета («Universitätsbibliothek Heidelberg», <https://digi.ub.uni-heidelberg.de>), Библиотеки Гарвардского университета («Harvard Library», <https://hollis.harvard.edu>). Особенно важными для исследования стали описания аллегорических программ придворных празднеств, поскольку именно в таких торжествах наиболее часто появлялись аллегорические фигуры государств и территорий. Некоторые подобные издания сопровождаются гравюрами-иллюстрациями, что позволяет сопоставить изображение фейерверка или иллюминации с его описанием. Пояснениями снабжали и некоторые проекты произведений медальерного искусства, такие как альбом Медальных комитетов, хранящийся в Отделе рукописей РНБ, а также «Опыт о правилах медальерного искусства...» А.Н. Оленина, доступный на сайте Президентской библиотеки — оба были востребованы в данном исследовании.

Методология исследования

Проблематика исследования предопределила использование в диссертации в качестве основных методов иконографический и иконологический анализ. Их дополняет стилистический анализ, который используется для рассмотрения отдельных произведений искусства с целью определить, как стилистические особенности влияют на визуализацию идеи. Важную роль в диссертационном исследовании играет сравнительный анализ, с помощью которого определяется степень сходства аллегорических фигур государств и территорий в русском искусстве, а также выявляется своеобразие

персонализаций государств и территорий в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX века в западноевропейском контексте.

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на обширном материале определены особенности иконографии персонализации России, выявлен устойчивый иконографический тип и его вариации, интерпретированы визуализированные в них идеи, уточнено своеобразие ее иконографии в русском искусстве по сравнению с западноевропейским в политическом контексте эпохи, уточнена специфика ее репрезентации в изобразительном искусстве по сравнению со словесным в контексте понимания их границ в XVIII веке, определена специфика иконографии персонализаций титульных и административно-территориальных единиц Российской империи.

Научная и практическая значимость исследования

Научная значимость работы заключается в углублении и уточнении представлений о специфике иконографии, роли и значении одного из ключевых элементов аллегорического художественного языка — персонализаций государств и территорий. Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его выводов и результатов для более точного описания произведений искусства, в которых присутствуют аллегорические фигуры государств и территорий, в альбомах и каталогах выставок и музейных собраний, а также при подготовке и реализации образовательных программ по искусствоведению в высших учебных заведениях.

Достоверность научных результатов исследования

Достоверность научных результатов подтверждается обширностью источниковой базы (проанализированных текстовых и изобразительных источников), позволившей говорить об устойчивости иконографии персонализации России на протяжении рассматриваемого периода, а также адекватностью использованного метода — метода иконографического анализа, который остается главным инструментом исследования подобного материала как в отечественном, так и в зарубежном искусствознании.

Апробация результатов исследования

Результаты исследования были представлены на трех международных («Актуальные проблемы теории и истории искусства», Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова и Государственный Эрмитаж, 2020, 2024; «Figurationen und Personifikationen des Nationalen im frühneuzeitlichen Europa», Майнцский университет имени Иоганна Гутенберга в сотрудничестве с Немецким историческим институтом в Париже, 2021; «География искусства», Российская академия художеств, Институт кино и телевидения (ГИТР), Институт научной информации по общественным наукам Российской Академии наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 2023) и шести всероссийских конференциях (конференции «На

службе Отечеству. Указ о хранении прав гражданских и атрибуты государственных учреждений Российской империи» (Государственный музей истории Санкт-Петербурга, 2022), VII ежегодном форуме молодых исследователей искусства и культуры «Научная весна — 2023» (Государственный институт искусствознания, Москва), VI конференции молодых ученых «Современные исследовательские подходы в науках об искусстве и культуре» (Российский государственный гуманитарный университет, 2023), конференциях «Татьянинские чтения — III» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2024), «Нации и этничность в гуманитарных науках — XI: Исторические нарративы и коммеморативные практики в этническом и национальном измерении» (Санкт-Петербургский государственный университет, 2024), «Искусство рукописной и печатной книги: мастера и подмастерья в эпоху Позднего Средневековья и Нового времени» (Библиотека Российской Академии наук, Санкт-Петербург, 2024). Также состоялись выступления с обсуждением доклада на «Семинаре для молодых учёных» (Лаборатория региональной истории России, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 2022) и на семинаре «Русское искусство XVIII века» (Кафедра истории русского искусства Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, 2023).

Основные положения, выносимые на защиту:

- Персонафикация Российской империи в русском искусстве XVIII — начала XIX века была создана по аналогии с персонафикациями европейских государств и обладала устойчивой иконографией. В подавляющем большинстве случаев (примерно 95% изображений), ее изображали в виде женщины прекрасного телосложения, что позволяет трактовать ее образ как образ молодой женщины в условно идеальной поре жизни. Существовали единичные вариации образа государства (не более 5% изображений), когда Российскую империю могли представить в виде рыцаря, ребенка или пожилой женщины, причем каждый из этих вариантов встречается исключительно редко и не составляет тип.
- Персонафикация Российской империи в русском искусстве XVIII – начала XIX века обладала набором атрибутов, благодаря которым ее можно отличить от других аллегорических фигур. Определяющим атрибутом был герб (присутствует в 97% произведений), обычно изображенный на щите или, редко, на медальоне на груди или на поясе, а также на штандарте (около 5% изображений). Обычно персонафикацию наделяли и государственными регалиями, которые были и атрибутами монарха (корона, императорская или городская, горностаевая мантия, иногда скипетр). Не всегда персонафикация обладает всеми этими атрибутами, в исключительных и не бесспорных случаях при ней нет гербового щита, который также мог быть заменен гербовым животным (орлом).
- Персонафикация Российской империи в русском искусстве XVIII – начала XIX века воплощала идею государства в произведениях искусства,

созданных по торжественным, самым значимым для страны поводам, имевшим как радостную (около 90% произведений), так и печальную природу (не более 10% произведений). Первоочередная идея, которую передавал ее образ в искусстве, — это идея подчинения, послушания и служения абсолютному монарху.

- Персонализации четырех частей света и иных государств в русском искусстве XVIII – начала XIX века служили для воплощения идеи об универсуме и роли Российской империи в нем как полноправного, а зачастую и лидирующего участника межгосударственных отношений. Иконография таких аллегорических фигур была заимствована из западноевропейского искусства.
- Иконография аллегорических фигур территорий Российской империи варьировалась. Единственным постоянным условием было присутствие отличительного признака (герба, в большинстве случаев также короны). Исторические территории (а именно царства, стоявшие в начале титула правителей) для воплощения идеи о государстве в искусстве были важнее, чем реальные единицы административно-территориального деления. Облик самых значимых персонализаций территорий, то есть исторических (царств) и современных (наместничеств или губерний) был отражением облика персонализации государства. Аллегорическим фигурам царств и некоторым персонализациям наместничеств полагались главные государственные регалии, а именно короны (царские шапки) и государственные мантии, в то время как большинству остальных аллегорических фигур территорий такие отличительные признаки обычно не были присущи.

Структура работы

Диссертационное исследование состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка источников, списка литературы (на русском и иностранных языках, всего 188 наименований) и альбома иллюстраций (64 позиции). В первой главе проанализирована история изучения тематики диссертационного исследования, вторая глава посвящена иконографии персонализации Российской империи в русском искусстве XVIII – начала XIX века, третья глава — типологии действия персонализации Российской империи в русской политической иконографии, четвертая глава — иконографии персонализаций четырех частей света, иностранных государств и территорий Российской империи в тот же период.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Первая глава диссертации, «История изучения персонификаций государств и территорий», посвящена трудам исследователей, в которых затрагивается проблематика аллегорических фигур территорий. Обзорных искусствоведческих трудов, в которых были бы обобщены особенности иконографии таких персонификаций, на данный момент нет. Искусствоведческих трудов, специально посвященных анализу отдельных примеров этих аллегорических фигур на материале периода XVIII – начала XIX века, очень мало (авторы таких исследований — В.Ю. Матвеев, М.А. Сарычева, У.М. Волкова, А.А. Горбунова). Поэтому в обзор включены также труды, где содержатся даже односложные упоминания персонификаций государств и территорий, а также работы, посвященные этой проблематике в западноевропейском искусстве и в литературоведении, позволяющие обогатить анализ подобных персонификаций в русском изобразительном искусстве интересующего нас периода.

История изучения персонификаций государств и территорий в искусствоведении в первой главе поделена на несколько направлений.

В первом параграфе (1.1) рассмотрена история изучения персонификации России в русском искусстве XVIII – начала XIX века. До 80-х годов XX века мы сталкиваемся лишь с отдельными упоминаниями персонификации России, которые не сопровождаются специальным анализом ее облика и характеристик (Д.А. Ровинский, В.И. Пилявский на материале изобразительного искусства; Е.Я. Данько на материале литературы).

В.Ю. Матвеев первым специально обратился к проблеме персонификаций государств и территорий в русском искусстве (1981, 1987). В его исследованиях впервые была детально рассмотрена вариация иконографии аллегорической фигуры государства в Петровское время, связанная с особым сюжетом «Петр I, высекающий статую России». Интерес к иконографии персонификации России возобновился лишь спустя два десятилетия, в 2000-е годы. Намеченные В.Ю. Матвеевым векторы изучения персонификации России были продолжены М.А. Сарычевой (на материале искусства Петровского времени) и Е.А. Тюхменевой (в связи с использованием персонификации России в искусстве триумфальных врат и придворных торжествах). В работах Е.А. Тюхменевой было на отдельных примерах намечено такое важное направление исследования, как разграничение на иконографическом уровне персонификации России и иных персонификаций, близких ей по смыслу и облику.

У.М. Волкова предприняла попытку проследить эволюцию облика аллегорической фигуры России и провела анализ трансформации ее изображений в медальерном искусстве XVIII – начала XX века. Это единственная научная работа, где рассмотрен целый ряд памятников, в которых присутствует эта персонификация, на протяжении всего XVIII века. Однако исследователь ограничивает источниковую базу лишь одним видом искусства, в силу чего невозможно судить об универсальности выявленных

черт иконографии. Тема персонификаций Российской империи и территорий в ее составе была затронута Е.Б. Дедовой в связи с изучением аллегорических образов в фейерверках елизаветинского времени. В разных контекстах персонификация России была удостоена упоминаний в исследованиях М.А. Алексеевой, А.А. Ароновой, Л.В. Бардовской, Е.А. Мишиной, Е.А. Скворцовой, Н.П. Финягиной. Все эти исследования содержат частные наблюдения, касающиеся конкретных примеров персонификаций государств и территорий в искусстве. В последние два десятилетия появились труды культурологического направления, в которых для исследования персонификации Российского государства материал изобразительного искусства привлекается в широком историко-культурном контексте. Так, Е.А. Наймарк затронула тему религиозной составляющей образа персонификации России, И. Ширле обратила внимание на семантику и этимологию слов, связанных с понятием государства в XVIII веке, Э. Сашалми изучил вопрос об истоках женской персонификации государства в литературе и искусстве России.

Поскольку персонификация России существовала одновременно и в искусстве, и в литературе, для которой традиция исследования этой аллегорической фигуры более глубокая, труды ученых-литературоведов целесообразно учесть при изучении этого феномена на материале изобразительного искусства. Этому аспекту уделено внимание во **втором параграфе (1.2)**. В литературоведении сложилось ясное представление о персонификации Российской империи — в театре, где ее роль исполнял актер на сцене (труды А.С. Демина, исследовавшего аллегорическую фигуру в контексте изучения символов политического характера, а также М.П. Одесского, отметившего важность персонификации государства для утверждения статуса Российского государства как империи), и в придворных одах (М.П. Одесский, К.А. Осповат), где ее олицетворение также появлялось для прославления правителя.

В третьем параграфе (1.3), «Персонификация России в русском искусстве XIX – начала XX века», для выявления основных подходов к изучению персонификации Российской империи в искусстве привлечены исследования материала более позднего периода. Изучением этого яркого образа в русском искусстве XIX – начала XX века в разных контекстах занимались такие ученые, как У.М. Волкова, Е.Г. Милюгина, Е.А. Чистикова, П. В. Ткаченко, П.С. Павлинов, О.В. Калугина, В.Б. Аксенов. Подробный анализ образа персонификации Российской империи в XIX – начале XX века произведен в исследованиях М.В. Лескинен (в том числе на материале произведений М.О. Микешина, создавшего один из самых ярких и узнаваемых образов Российской империи в XIX веке), в которых сделан акцент на особенностях ее костюма и атрибутов и ее значении как национального символа. Исследователь делит изображения персонификации России на два типа: изображения аллегорической фигуры в виде женщины в русском костюме, кокошнике, иногда с элементами доспехов, и изображения

персонификации в виде Девы в платье, поверх которого надета кольчуга с поясом в виде ряда икон, иногда в царской шапке, вооруженной мечом.

На данный момент в изучении персонификации России в отечественной науке преобладает культурно-исторический подход, при использовании которого материал изобразительного искусства чаще всего привлекается как иллюстративный, но не анализируется специально. В этом случае не учитываются его специфические жанровые и видовые особенности, которые неизбежно многое определяют в образе и нуждаются в исследовании учеными-искусствоведами. В то же время в искусствознании до сих пор были глубоко проанализированы лишь отдельные произведения, содержащие персонификации государств и территорий, или были приведены частные наблюдения, выдвинутые на материале нескольких примеров и нуждающиеся в верификации на более широкой источниковой базе. Такая обширная база позволит выявить устойчивые черты иконографии персонификаций государств и территорий и отдельные отступления от традиционно принятого облика, которые нуждаются в углубленном анализе в связи с особенностями заказа.

В российском искусствознании персонификации государств и территорий еще не были удостоены обобщающего исследования, хотя они постоянно упоминаются в различных контекстах и рассматриваются на разновременном материале. Основное внимание в исследованиях было сосредоточено на персонификации Российской империи — на начальном этапе ее появления в русской культуре и искусстве в первой четверти XVIII века и на этапах изменения ее иконографии в первой половине и в конце XIX века. Остается открытым вопрос о трансформации персонификации России в искусстве XVIII – начала XIX века, не прослежены параллели в изображении аллегорических фигур Российского государства и европейских стран в XVIII – начале XIX века.

В четвертом параграфе (1.4) рассматривается история изучения на материале русского искусства персонификаций четырех континентов (частей света), иностранных государств, а также территорий Российской империи.

М.А. Сарычева определила основные черты иконографии персонификаций четырех континентов и указала на взаимосвязь персонификаций государств и территорий в аллегорическом искусстве начала XVIII столетия. Однако вариации их иконографии не были удостоены ею специального рассмотрения.

Обстоятельный обзор одной из этих аллегорических фигур, персонификации Азии, в русском искусстве первой половины XVIII века приведен в статье А.А. Горбуновой. Отдельные ценные замечания, касающиеся персонификаций четырех частей света в русском искусстве, содержатся в трудах Е.Е. Агратиной, Е.Б. Дедовой.

Единственное исследование, в котором была описана иконография сразу нескольких аллегорических фигур территорий Российской империи — это издание Н.П. Финягиной, посвященное атласу 1792 года. Не существует

обобщающего исследования, в котором были бы прослежены основные тенденции и разнообразные вариации в иконографии персонификаций территорий Российской империи, других государств и четырех частей света в русском изобразительном искусстве XVIII – начала XIX века.

В пятом параграфе (1.5), «Персонификации государств и территорий в западноевропейском искусстве», рассмотрены основные направления изучения этой проблематики в западноевропейском искусствознании. В последние годы в зарубежной науке в изучении проблематики персонификаций государств наравне с иконографическим методом широко применяются историко-культурный и гендерный подходы (Б. Брандт, М. Винтл, Р.Т. Мэтьюз, М. Витале, С. Коэн, Дж. Монтейн, М. Тёфнер, А. Ясуи). Доминирует комплексный анализ произведений искусства и культурной, политической, религиозной среды, в которой они создавались.

Исследователи обращали внимание на важность аллегорической фигуры Российской империи для отражения различных аспектов государственной политики, в некоторых случаях указывали на особенности ее облика, рассматривали отдельные произведения, в которых она присутствует. Однако до настоящего времени аллегорическая фигура России не была изучена во взаимосвязи с близкими ей персонификациями территорий Российской империи, иных стран и четырех континентов в русском искусстве XVIII – начала XIX века, в период наибольшего распространения этих фигур.

Во второй главе диссертации рассматривается персонификация России в контексте русской политической иконографии, то есть анализируются особенности ее внешнего облика (гендер, возраст и физический облик, костюм) и атрибутов как способа визуализации политических идей. Как утверждают Уве Флекнер, Мартин Варнке и Хендрик Циглер («Politische Ikonographie. Ein Handbuch», 2011), политическая иконография как инструмент визуальной передачи политической реальности долго оставалась вне поля внимания исследователей; при этом произведение искусства невозможно воспринимать лишь как фиксирующий реальность историографический или политический исторический документ. Согласно определению Урте Красс для «Искусствоведческого лексикона Метцлера» («Metzler Lexikon Kunstwissenschaft», под редакцией У. Пфистерера, Штутгарт, 2011, с. 345–347), политическая иконография («Politische Ikonographie») включает визуальные проявления политических идей в изобразительном искусстве и функции произведений изобразительного искусства в политическом контексте. В частности, для интерпретации произведений искусства в таком ключе исследователи уделяют внимание используемым символам, формам выражения, действиям, жестам и позам персонажей.

Кроме того, особый облик персонификации Российской империи был обусловлен необходимостью выделить ее среди других аллегорических фигур — как похожих на нее персонификаций государств и территорий, так и других, близких ей по значению аллегорических фигур.

В первом параграфе (2.1), «Появление персонификации России в изобразительном искусстве: предтечи образа, политический контекст, кодификация в иконологических лексиконах», суммируются сведения о времени появления персонификации России в начале XVIII века и приводится пример кодификации ее иконографии в переводе иконологического лексикона О. Лакомба де Презеля в 1763 году. По мнению Э. Сашалми, в русской литературе до XVIII столетия уже существовала персонификация России в женском образе, а в Петровское время появились ее первые изображения в искусстве. Наиболее раннее упоминание о специальной персонификации государства в русском изобразительном искусстве относится, как определил В.Ю. Матвеев, к 1703 году.

Во втором параграфе (2.2), «Гендерный аспект репрезентации России», рассмотрены гендерные характеристики персонификации. Персонификация России обычно была воплощена в женском облике. В Петровское время в редких случаях государство могли представить и в мужском образе (так, Россия и Швеция были представлены в виде двух рыцарей с гербовыми щитами в фейерверке по случаю Ништадского мира в Петербурге 22 октября 1721 года). В некоторых случаях женские аллегорические фигуры стран наделяли традиционно мужскими чертами и атрибутами силы — с целью подчеркнуть военную мощь (как, например, доспехи, оружие).

Проблема гендера персонификации напрямую связана с проблемой ее идентификации в ряду схожих фигур. Так, в параграфе рассматриваются изображения, в которых фигура, по иконографии соответствующая персонификации России (с ее атрибутами, в антикизированном костюме) наделена чертами лица правящей императрицы, к чему располагало совпадение их полов. С нашей точки зрения, интерпретировать подобные изображения как изображения императрицы можно лишь в том случае, если присутствует выраженное сходство черт лица.

В параграфе уделено внимание мужской аллегорической фигуре Гения России, который мог обладать похожими атрибутами и передавать схожее смысловое наполнение. Эта аллегорическая фигура получила распространение в театре и изобразительном искусстве последней трети XVIII века. В начале XIX века в связи с событиями Отечественной войны 1812 года иконография Гения России существенно изменилась: его стали изображать в виде полуобнаженного героя с элементами вооружения, в древнерусском шлеме.

В третьем параграфе (2.3), «Возраст персонификации России как политическая категория», рассматриваются нюансы иконографии персонификации государства в связи с ее возрастом. Обыкновенно аллегорическая фигура России — это женщина прекрасного телосложения, что позволяет условно охарактеризовать ее возраст как идеальную пору жизни. Представление об идеальном государстве эпохи Петровских реформ и затем Просвещения было передано через физически совершенную человеческую фигуру в расцвете жизненных сил. Однако более точные

индикаторы, которые позволили бы указать если не возраст, то хотя бы период жизни (юная дева, зрелая женщина-мать) обычно отсутствуют. Они встречаются лишь в отдельных, исключительных примерах — так, когда сюжет произведения отсылал к заботе о народе и о подрастающем поколении, ее спутниками становились маленькие дети. В редчайших случаях персонификации государства могли придать черты старости (как на гравюре по рисунку Ф.И. Соймонова, после 28 июня 1762 года, ОР РНБ) — с целью прославить древность государства, или же могли представить страну в виде ребенка (младенца Геракла, побеждающего змей, как на иллюстрации к «Храму славы Российских ироев, от Гостомысла до царствования Романовых» П.Ю. Львова, 1803) — чтобы подчеркнуть развитие молодой обновляющейся империи. Все отклонения от привычного образа были связаны с конкретными политическими задачами.

Физический облик персонификации Российской империи в подавляющем большинстве случаев не отличался особыми приметами: неопределенный условно-идеальный возраст, неиндивидуализированные черты лица, физическое совершенство.

В четвертом параграфе (2.4), «Костюм персонификации России: от универсального к национальному», исследуются трансформация и особенности костюма аллегорической фигуры. Одевание персонификации России в большинстве случаев — универсальное для европейского искусства разных стран: это типичный для большинства аллегорических фигур условный антиквизированный наряд или современное европейское платье (характерное для европейских персонификаций, редкое для персонификации России). Были выявлены два случая, когда персонификация России изображена в современном придворном платье (вероятно, с целью приблизить образ к галантной придворной культуре) — такой она предстает на гравированном «Богословском тезисе» 1743 года и на гравюре к иллюминации в Потешном дворце, посвященной коронационным торжествам Елизаветы Петровны.

Элементами одеяния персонификации России, в которых было воплощено ее государственное значение, были корона и мантия, покрытая узором из двуглавых орлов. Изображение фигуры России в условном старинном русском костюме или с его элементами на протяжении XVIII века встречается только в европейском искусстве (например, в аллегории Ф. Оттенса «Петр I дарует России искусства и науки» 1725 года). Тенденция изображения этой аллегорической фигуры с элементами национального костюма утвердилась в русском искусстве в XIX веке.

Нейтральные идеализированные физические характеристики персонификации иногда становятся причиной смешения образа с другими аллегорическими фигурами. Их разграничение основано прежде всего на атрибутике. **В пятом параграфе (2.5), «Атрибутивная конкретизация образа России»,** определены важнейшие для персонификации России атрибуты, позволяющие отличить ее от иных: это щит с российским гербом (в некоторых случаях — гербовый штандарт на древке), императорская или крепостная

(городовая) корона, императорская мантия (иногда с изображениями двуглавого орла), реже скипетр и держава (обычно в ситуации преподнесения персонификацией России царских инсигний своему государю).

Помимо них, персонификацию наделяли ситуативными атрибутами и фигурами-спутниками, приличествующими случаю и призванными дополнять и раскрывать ее значение. В зависимости от имплицитного политического смысла изображения инвентор композиции или художник избирали подходящие символы. Обычно они связаны с процветанием, благополучием, силой страны. Иногда из-за совпадения атрибутов аллегорическую фигуру России сложно отличить от смежных по смыслу персонификаций. Сходство атрибутов нередко было намеренным, в одной аллегорической фигуре соединяли сразу несколько значений (таковы Минерва-Россия, Амфитрита-Россия, как на «Аллегории на Чесменскую победу» Т. де Роде 1771 года, и др.).

В третьей главе диссертации внимание сосредоточено на типологии действия персонификации России в русской политической иконографии XVIII – начала XIX века. Посредством устойчивых визуальных формул — специальных поз и жестов — в произведениях искусства передавалось отношение к тем или иным политическим событиям. Их характер в главе рассмотрен в сравнении с подобными западноевропейскими образцами и произведениями русской литературы. В связи с этой тематикой затронут вопрос «границ живописи и поэзии» (выражаясь словами Г.Э. Лессинга), актуальный для искусства рассматриваемого периода: так, в исследовании подчеркивается, какие формулы были допустимы в изобразительном искусстве, а какие предполагались только для литературного слова. В любых изображениях, как на радостные, так и на печальные сюжеты, персонификация государства оставалась галантной и грациозной, ее образ был полон достоинства.

В первом параграфе (3.1), «Иконографические формулы радости персонификации России», рассматриваются действия, совершаемые персонификацией России, которые фиксируются в ее позах и жестах. Эти действия выражают отношение аллегорической фигуры к происходящему и служат важным средством ее характеристики. Значимые радостные поводы, по которым персонификация появлялась в искусстве — это восшествие на престол нового государя или его коронация (в том числе коронация супруги императора), рождение наследника престола, бракосочетание членов императорской фамилии, празднование нового года и др. Набор действий, поз и жестов, которые отражают взволнованное отношение персонификации Российской империи в таких случаях — это коленопреклонение (перед жертвенником или правителем), поклон перед правителем, жест прижатой к груди руки или раскинутых рук, жест поднятой (протянутой к небесам) руки, поднятая к небесам или к изображению правителя голова, рукоплескание, в некоторых случаях улыбка, как на гравюре «Слава России» И. Иванова и А. Грачова 1816 года.

В панегирическом искусстве XVIII – начала XIX столетия в официальном искусстве господствовал образ счастливой, здоровой, прекрасной персонификации России. Но она, изображенная по подобию человека, могла испытывать спектр отрицательных эмоций: печаль, скорбь, страх, сомнения, страдание.

Во втором параграфе (3.2), «Иконографические формулы печали персонификации России», рассматриваются особенности иконографии аллегорической фигуры в связи со скорбными сюжетами, с привлечением для сравнения материала литературы. Описания или изображения печальной персонификации допускались в сюжетах оплакивания (печальным поводом становились похороны скончавшегося государя, смерть члена императорской фамилии, смерть героя), изредка — для констатации военных или внутренних трудностей, и иногда (что является прямым следствием дворцовых переворотов) — в сюжетах возвеличивания нового монарха. В таком случае печальным поводом становилось подведение неблагоприятных итогов правления государя-предшественника — в случае Елизаветы Петровны и Екатерины II, вступивших на престол в результате дворцовых переворотов. Такая ситуация, например, была описана в сюжете коронационного фейерверка 1762 года.

Изображение персонификации России в горе предполагало в изобразительном искусстве статичный, сдержанный облик, в литературе — экспрессивную декларацию общих эмоций. В искусстве скорбящую персонификацию России обычно помещали в печальный антураж: изображение специальных атрибутов или огорченных аллегорических фигур должно было придать образу персонификации убедительность в ее страдании. Обычная иконография персонификации России (корона, мантия, щит с российским гербом) дополнялась выражением печали через жесты, действия (например, прикосновение к лицу, плач, падение в обморок, простертые руки), специальное «печальное» одеяние и атрибуты (платок для слез в руке, сосуд для слез, флер, покрывающий щит). Они встречаются в том числе в композициях, созданных по поводу кончины монарха или члена императорской фамилии.

В литературе образ мог быть более экспрессивным: персонификации государства могли придать голос (например, вопль, стенания, молитвы) и описать ее некоторые телесные признаки (оцепенение, бледность, растрепанные волосы). Все это было частью ритуала скорби, который обязательно сменялся радостью. Смерть достойного правителя не в силах отнять у подданных тех благодеяний, которые он успел совершить в интересах державы. Сетования персонификации России из-за безрадостных итогов правления «недостойного» царя — всего лишь интерлюдия перед ожидаемыми успехами нового императора и его чествованием. Ее глубокая печаль всегда временна; художники и одописцы XVIII столетия транслировали представление о «паки утешенной и о новом своем счастье веселящейся» персонификации Российской империи.

Четвертая глава диссертации, «Карта России и Россия на карте мира...», посвящена персонификациям иностранных государств, четырех частей света и территорий Российской империи в русском искусстве XVIII – начала XIX века. Все аллегорические фигуры государств и территорий в русском искусстве этого периода были тесно взаимосвязаны. Их появление почти всегда было сопряжено с конкретными задачами прославления абсолютного монарха. Появление персонификаций четырех частей света, иных государств и территорий Российской империи в произведениях искусства, как правило, было обусловлено панегирическим характером театрализованного празднества или изображения.

Заимствованная из европейского искусства иконография-матрица персонификации территории (фигура в античном одеянии, с гербовым щитом или иным отличительным символом) предполагала большое сходство аллегорических фигур государств и территорий между собой. Для того чтобы выявить взаимосвязь персонификаций четырех континентов, аллегорических фигур иностранных государств и территорий Российской империи с персонификацией России, определить нюансировку их атрибутов и их значения, а также соотнести иерархию аллегорических фигур этих территорий, четвертая глава поделена на три параграфа.

В первом параграфе (4.1), «Иконография персонификаций четырех частей света», рассматриваются заимствованные из европейского искусства аллегорические фигуры четырех континентов. Их появление в русском искусстве было связано со стремлением представить Российскую империю в контексте всего универсума, играющей важную роль на мировой арене. Персонификации четырех частей света получили широкое распространение начиная с Петровского времени, когда в России активно осваивался западноевропейский художественный опыт. На протяжении всего XVIII века художники ориентировались на европейские образцы и лексиконы. Со второй половины XVIII века интерес к этим аллегорическим фигурам, как и интерес к богатому иноязычному языку барокко, начинает постепенно угасать и они используются в искусстве реже.

Появление этих аллегорических фигур было возможно как по отдельности, так и всех вместе, в том числе с персонификацией России. В тех случаях, когда персонификации четырех континентов появлялись в русском искусстве XVIII века, подчеркивался статус России как империи. В самых значимых из сохранившихся примеров они присутствовали при важнейших для страны событиях и являлись почетными зрителями торжества Российской империи и ее могущественного государя. Само присутствие четырех континентов в аллегорической композиции, даже если они и не были представлены активно выражающими свое восхищение, служило цели прославления правителя.

В некоторых случаях менялась их иконография — персонификации четырех континентов могли представить то с одним, то с другим сопутствующим символическим животным, в редких случаях их изображали

в виде детей в специальных костюмах. Нюансы их иконографии соответствовали западноевропейским образцам (например, такие персонификации четырех частей света в детском возрасте присутствуют на гравированном фронтисписе Л. Шерма из атласа 1706 года).

Во втором параграфе (4.2), «Персонификации России и других государств: визуализация межгосударственных отношений», анализируются редкие примеры появления в русском искусстве XVIII — начала XIX века аллегорических фигур иностранных государств.

Персонификации иностранных государств (Швеция, Пруссия, Турция) появлялись в русском искусстве XVIII — начала XIX века в большинстве случаев в произведениях искусства на сюжеты о заключении мира или политических союзов, установлении дружественных взаимоотношений. Их иконография, как и иконография персонификации России, была заимствована из европейского искусства. От нее и друг от друга они отличаются прежде всего своими главными неизменными атрибутами — гербовыми щитами. Особые жесты (рукопожатие, в редких случаях — объятие) и атрибуты (прежде всего оливковая ветвь, также — пальмовая ветвь), которые появляются в этих сюжетах, связаны с эмблематическими изображениями мира, союза, согласия. Например, на гравюре «Фейерверк в Петербурге 10 июня 1762 года» запечатлена такая аллегорическая сцена: персонификации России и Пруссии соединяют левую и правую руки соответственно перед деревом, посаженным в вазу — в знак того, что два государства возвращают плоды своего мирного договора, инициированного Петром III.

В третьем параграфе (4.3), «Иконография персонификаций территорий Российской империи», рассматриваются облик и атрибуты аллегорических фигур царств, наместничеств, губерний, городов и крепостей. Акцент сделан на соотношении значимых для статуса империи исторических территорий (царства в составе Российской империи), имеющих символическое значение, и реального административного деления (наместничества, губернии). Эти аллегорические образы создавали по аналогии с западноевропейским искусством, в котором к этому моменту существовало множество примеров персонификаций территорий.

Среди персонификаций территорий Российской империи наиболее близки по иконографии персонификации России аллегорические фигуры царств — Московского царства и присоединенных в XVI – XVII веках Казанского, Астраханского и Сибирского — исторических территорий, соответствующих титулу, однако не соответствующих реальному территориально-административному делению Российской империи в XVIII веке. Включение в состав Российского государства этих территорий, обладающих высоким престижем, коррелировало с идеей империи. От персонификации России их отличали гербовые щиты. Поскольку царства имели значение для статуса империи, их изображали по случаю самых важных для государства событий.

Иные статусно значимые территориальные единицы (исторические области, города, крепости) обычно изображали в связи с присоединением. Кроме приобретенных городов и территорий, обычно предстающих перед государем или персонификацией государства, иногда в качестве самостоятельных образов могли представить важнейшие города Российской империи. Персонификации единиц реального административного деления могли появиться на утилитарном предмете — на карте.

Иконография иных аллегорических фигур территорий Российской империи — наместничеств (губерний), исторических областей, городов — была более вариативна. Их определяющим атрибутом также служит герб. Большинство известных аллегорических фигур территорий обычно в общих чертах похожи друг на друга. Их облик зачастую был вариацией облика персонификации страны: редко имея при себе царские атрибуты (они полагались только самым главным из них — персонификациям царств или наместничеств в составе империи), эти женские аллегорические фигуры в античных туниках были наделены в разных вариациях государственными мантиями, городскими коронами и гербами собственных территорий. В отличие от персонификации страны, их могли представить полуобнаженными (за исключением царств).

Большинство изображений персонификаций Российской империи с аллегорическими фигурами входящих в ее состав земель не сохранились и известны по текстовым описаниям аллегорических программ фейерверков и триумфальных врат. Как следует из немногих сохранившихся примеров, в таких случаях персонификация России всегда играла доминирующую роль (была наделена большим числом статусных атрибутов, занимала центральное положение в композиции), а персонификации территорий в ее составе сопровождали ее в качестве свиты. Совместные изображения персонификаций империи и ее владений всегда были связаны с событиями государственного значения. Подобные изображения персонификаций государств с территориями существовали и в западноевропейском искусстве — примером может служить гравюра «Pacis Belgicae Monumentum» (автор оригинала Я.К. ван 'т Вудт, 1609), на которой изображены семнадцать провинций Нидерландов перед Белгией как аллегория Двенадцатилетнего перемирия и союза всех частей страны.

Настоящее диссертационное исследование посвящено периоду XVIII – начала XIX века; в перспективе представляется необходимым создание фундаментального обобщающего исследования, которое подвело бы итог современного этапа изучения визуальных трансформаций аллегорической фигуры Российской империи и иных персонификаций государств и территорий в русском искусстве за весь период их существования.

Основные выводы диссертационного исследования

В русском панегирическом искусстве XVIII – начала XIX века персонификации государств и территорий относятся к числу ключевых аллегорических фигур, которые появляются в композициях, посвященных

судьбоносным для государства событиям. Основные виды персонификаций государств и территорий в русском искусстве этого периода — это аллегорическая фигура Российской империи, персонификации территорий Российской империи, аллегорические фигуры четырех континентов, а также иностранных государств. Главную роль среди них играет персонификация России.

В ходе исследования была прослежена эволюция образа персонификации Российской империи. В большинстве случаев это идеальный женский образ, лишенный ярких телесных и физиономических характеристик. Особенности физического сложения персонификации России одинаковы во всех видах изобразительного искусства, но исключительные случаи отступления от нейтрально-идеального канона, когда в ее облике были подчеркнуты зрелость, крепость и степенность, встречаются в живописи, располагающей к осязаемой передаче материального (на картине Е.И. Бельского «Торжество России над Османской империей» 1752 года, на картине «Вступление на престол Екатерины II» венецианского художника Ф. Фонтенбассо 1762 года). В литературе персонификацию России могли представить в виде богатырки — молодой, здоровой, прекрасной и способной к деторождению. Наиболее схематичен облик аллегорической фигуры Российской империи в гравюрах, на которых запечатлены фейерверки.

На протяжении XVIII — начала XIX века существовал только один тип персонификации государства. В это время еще не наблюдается того разнообразия типов иконографии аллегорической фигуры, какое будет характерно для XIX столетия, а есть лишь единичные эпизодические отступления от устойчивого типа. В начале XVIII века в исключительных случаях было возможно появление персонификации России в виде коронованного рыцаря или женской фигуры в доспехе, что было связано с идеей военной мощи страны, столь важной для Петровской эпохи. В XVIII – начале XIX века в русском изобразительном искусстве закрепились и была наиболее распространены традиционная для Европы иконография страны в виде молодой женщины. Определяющие характеристики ее облика были кодифицированы в иконологических лексиконах. В редчайших случаях персонификации России могли быть приданы черты, намекающие на ее почтенный возраст, визуализирующий древность ее истории.

В некоторых случаях женскую персонификацию России сложно отличить от других фигур, например, от изображения императрицы. Кроме того, близкие персонификации России по смысловому наполнению аллегорические фигуры — это, в первую очередь, Любовь к Отечеству (а также похожая на нее аллегорическая фигура Попечение об Отечестве) и Гений России. Верно идентифицировать и отличить персонификацию Российской империи позволяет прежде всего такой атрибут, как герб, который обычно размещен на щите (в редких случаях — на медальоне на груди или на поясе), а также царские регалии (корона, городская или императорская, горностаевая мантия, в некоторых случаях скипетр, держава). Однако

аллегорическая фигура России не всегда появлялась с полным набором этих ключевых символов. Гербовый щит могли заменить или дополнить гербовым штандартом на древке. Встречаются случаи, когда рядом с персонификацией государства нет гербового щита, но есть гербовое животное (орел), или же герб находится не около персонификации России, а присутствует в композиции — например, около одной из сопутствующих фигур. В большинстве случаев персонификацию России следует отличать по наличию короны и герба. В очень редких случаях, когда рядом с царственной фигурой нет гербового щита или гербового животного, трактовать ее как персонификацию России возможно основываясь на совокупности ее атрибутов власти и общем контексте композиции.

В процессе исследования удалось уточнить атрибуцию персонификации Российской империи в нескольких произведениях искусства, в которых до настоящего времени эта аллегорическая фигура трактовалась иначе (рисунок Д. Остерзе для фронтисписа, подготовленного Академией наук и художеств в год заключения Ахенского мира и гравированного И.А. Соколовым (1749), группа с персонификацией России, военным гением и турком в виде путти (ранее — «Судоходство») из Фарфорового кабинета Каталальной горки в Ораниенбауме 1772–1774 годов, группа «Ясский мир» Ж.-Д. Рашетта 1791–1792 годов, «Аллегория мира в Яссах» Ф. Стефанова 1792 года).

В XVIII столетии Российское государство — это европеизирующаяся империя. Стремясь выразить эту идею средствами европейского же визуального языка, аллегорическую фигуру России изображают, как и персонификации стран в европейском искусстве, в распространенном универсальном для аллегорических фигур costume: в условных античных одеяниях, длинных, с открытыми или закрытыми плечами, с рукавом до запястья или локтя, с наброшенной на плечи горностаевой мантией или без нее, в отдельных редких случаях — в современном придворном costume. Существенное отличие от европейской иконографии государств — это целомудренность платья, которое почти во всех случаях было закрытым.

Типология действия персонификации России в искусстве XVIII века неразрывно связана с правителем и сводится к идее подчинения ему. Отношение Российской империи к монарху и происходящим событиям выражается через позы и жесты, которым художники уделяют особое внимание. Взволнованное восхищение, умиление, благоговение, благодарность — целый спектр панегирических «страстей» заключен в позах-формулах. Персонификация России могла быть изображена с прижатой к груди рукой, с поднятой к небесам головой и/или руками, протягивающей руки к наследнику, с раскинутыми руками, могла даже рукоплескать и иногда — улыбаться. По печальным поводам персонификация России появляется гораздо реже (такие произведения составляют не более 10 % от общего числа). В изобразительном искусстве печаль персонификации Российской империи могли передать через атрибуты — специальное печальное одеяние, сосуд для слез и платок для отирания слез, а также мимику лица, в то время как в

литературе для экспрессивности образа могли быть описаны ее метания, стенания, молитвы и телесные признаки страдания (бледность, оцепенение, растрепанные волосы).

Одновременно с персонификацией России в русском искусстве присутствуют и персонификации иных государств, появившиеся в Петровское время. Обычно они изображаются вместе с Российской империей в композициях, воплощающих идею дружественных, союзнических отношений или восстановление партнерства после противостояния.

Как часть обширного ряда аллегорических фигур в русском искусстве XVIII – начала XIX века существовали персонификации территорий и городов в составе Российской империи, которые порой появлялись одновременно с персонификацией России. Персонификация России всегда играет главенствующую роль, а персонификации территорий, представленные подобно ей — в античных одеяниях, с собственными гербовыми щитами — сопровождают ее, как свита. Примеры сохранившихся совместных изображений персонификации Российской империи с персонификациями ее территорий, которые удалось обнаружить — это гравюры, запечатлевшие иллюминацию в Потешном дворце в честь коронации Елизаветы Петровны, а также фейерверки «в первый вечер 1756 года» и в честь бракосочетания Павла Петровича с Натальей Алексеевной 1773 года. В последних двух случаях персонификации территорий Российской империи присутствовали в аллегорическом пространстве придворных торжеств в виде статуй.

Персонификации реальных единиц административно-территориального деления Российской империи имели меньшее значение и лишь иногда могли обладать символами власти. Набор их отличительных атрибутов варьировался. Их облик был отражением облика персонификации государства — главной государственной персонификации, но не соответствовал ему целиком. Например, персонификации наместничеств тоже могли быть изображены с коронами, гербовыми щитами и мантиями. Но они могли быть представлены и полуобнаженными, с открытой грудью, что было невозможно для персонификации государства в русском искусстве. Атрибутами персонификаций территорий обычно были гербовый щит и крепостная (городовая) корона.

В конце XVII – начале XVIII века в русском искусстве появились и аллегорические фигуры частей света. Их иконография была заимствована из европейского искусства и соответствовала образцам или описаниям в лексиконах. Иногда допускались вариации, в рамках европейской традиции. Например, части света могли изобразить в виде детей, а не женщин, или же могли наделить разными животными-символами, которые им соответствовали (так, согласно европейской традиции, персонификации Африки в качестве спутника мог полагаться лев, крокодил или слон, аллегорической фигуре Азии — слон или верблюд). Главное, к чему сводился смысл таких персонификаций в аллегорических композициях, независимо от избранного иконографического типа, — это выражение идеи универсальной славы Российской империи.

Итак, в русском искусстве XVIII – начала XIX века персонификации государств и территорий — персонификация Российской империи, других стран, четырех частей света, а также территорий в составе империи (царств, наместничеств, исторических областей, городов и крепостей) — были важнейшими элементами русской политической иконографии. Они существовали в контексте панегирического искусства, всецело подчиненного абсолютной монархии. Персонификации государств и территорий стали одним из значимых инструментов прославления страны и ее властителя на особом аллегорическом языке. Существование этих персонификаций исключительно в русле панегирического искусства стало их отличительной особенностью по сравнению с западноевропейской политической иконографией, где они появляются в том числе в карикатуре и имеют соответствующий облик.

Персонификация Российской империи в XVIII столетии, явленная в виде физически совершенной человеческой фигуры в античных одеяниях, передает представление об идеальном государстве эпохи Петровских реформ и эпохи Просвещения. Ее смысл в панегирических композициях чаще всего раскрывается благодаря ситуативным атрибутам, сопутствующим фигурам, которые перенимают часть значений, и главное — ее действиям, неизменно выражающим покорность государю, апеллирующим к его особе (даже если в композиции император или императрица не изображены). В XIX веке персонификация Российской империи станет более самостоятельной фигурой, которая приобретет национальное значение, кодифицированное в ее физических, физиономических характеристиках и костюме.

Основные положения диссертационного исследования отражены в перечисленных публикациях автора:

Публикации в рецензируемых научных изданиях, входящих в перечень рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ

1. Чебакова П.А. Фигуры «с их гербовыми щитами представляющие царства, великия княжества и прочия Российския империи области и провинции»: персонификации территорий в русском искусстве XVIII века // Культура и искусство. 2024. № 5. С. 66–82. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.5.70721 (ВАК).

2. Чебакова П.А. «Четыре части света: Азия на слоне, Европа на быке, Африка на лве, Америка на крокодиле, на обычных знаменьях своих»: персонификации четырех континентов в русском искусстве XVIII века // Человек и культура. 2024. № 3. С. 36–51. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.3.70707 (ВАК).

3. Чебакова П.А. «Спускается на облаках; в деснице его златой жезл; над ним парит двуглавный орел»: фигура Гения России в русском искусстве конца XVIII – первой четверти XIX века // Культура и искусство. 2024. № 8. С. 30–45. DOI: 10.7256/2454-0625.2024.8.71482 (ВАК).

Публикации в рецензируемых научных изданиях, включенных в Scopus/RSCI

4. Chebakova P.A., Skvortcova E.A. Sense and Sensibility: The Theme of Friendship in the Russian Portrait Painting of the Enlightenment Era // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 10. СПб.: НП-Принт, 2020. С. 230–242. DOI: 10.18688/aa200-2-21 (Scopus/RSCI).

5. Чебакова П. А., Скворцова Е. А. Персонификация России в искусстве XVIII века: идея и способ визуализации // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей. Вып. 12. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 304–317. DOI: 10.18688/aa2212-04-22 (Scopus/RSCI).

Прочие публикации (РИНЦ)

6. Чебакова П.А. Персонификация России в искусстве XVIII века // Тезисы научной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства» (2020). Электронная публикация. Дата депонирования: 12.11.2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://actual-art.spbu.ru/publikatsii/theses/theses-2020/329-2020-russian-art-in-the-18th-19th-centuries.html> (РИНЦ).